

УНИКУМ

ОЛЕСЯ ИЗ ПОЛЕСЬЯ

Имя её не такое. Фамилию тоже требовала не называть.

Ну прямо северная богемка-скрытница из тех, что выходят за порог только по ночам.

Да нет, девушка совершенно своя, улыбчивая, разговорчивая.

А ведь она — отшельница.

Ох, сколько повидал отшельниц — беззубых, бормочущих, чуточку не от мира сего. А Олеся — с шестьдесят девятого, причём одного со мной месяца. Год этот не назвала, сказала, что ей восемнадцать — мы поверили.

Глазки зелёные, веселоплутовские — но фотографировать себя не позволяет.

Что за особа? Впрочем, только такие и могут избрать отшельничество.

Охотно даёт свой сотовый:

— Пускай кто-нибудь за ягодами приезжает. Живу ими, а ещё грибами.

Ягода здесь, в селе Старом, что в пяти километрах от Брянской области, осинная; лучшая из всех земных ягод — клюква, брусника, черника.

Даже районные власти в покупателях у девушки.

Село Старое сейчас в четыре пустующих двора. Лет тридцать назад тут было больше ста жителей, и ферма на щебне, который из церковных развалин истолкли.

Теперь тут — одна Олеся.

— Родовое имя, — говорит, оглядывая свою округу. — Братья приезжают на праздники, дрова готовят — а так всё одна. Мне одной хорошо; разве можно скучать в лесу? Село Старое Хотынецкого района, Ильинской сельской администрации (15 км) — место старинного Свиного шляха.

Про этот шлях много писано. В XVI — XVII веках он был главной православной дорогой от Киева на Москву, основной жилой славянской миграции. Старое стояло на перегоне Рыльск — Болхов. Назвали шлях Свиным якобы потому, что татары, идущие ежегодными набегами, стереглись свинины; и русичи этих животных специально разводили.

А Старое — оттого, что тут вроде бы обитали староверы; за тридцать километров в Карачев ходили на молебен.

Немцы тут в сорок втором стояли, на краю есть их братская могила.

Всё это сообщил тележурналист ОГТРК Владимир Переверзев, явившийся к Олеся раньше нас и тоже получивший вежливый улыбчивый отлуп.

Банки для клюквы.

Такая девушка. Влюбиться в неё — проще простого. Экстерном окончила Орловское строительное училище — и вернулась домой; нет ни работы, ни перспектив. А тут всё родное с детства, каждый кустик.

— Я студентка прокладной жизни, — переводит, как знаешь.

— Корову сдала, — продолжает. — Живности никакой, кроме кота Пушкина. Да и тот мышей не ловит.

Печь выкрашена синей масляной краской — впервые вижу такое.

— Чтобы с побелкой каждую весну не возиться.

Удивления делятся, словно розыгрыш на школьном утреннике.

— Я Джеймс Бонд в юбке, могу быка ударом убить! — а у самой веса три-четыре пуда.

— О замужестве думаешь? — решаемся спросить напрямик.

— А как же! Но только в темноте не приходи — пугач имею, резинкой в лоб пушу; тем более, что ещё по настольному теннису умею точно в цель попадать.

Природа кругом — сказка. В километре — строй векового сосняка; повернёшься — там такой же плотный берёзовик.

Крестилась в Орле — сама. Уже не было папы и мамы — пришла без никого, свидетелей там или ещё кого — и окрестилась. Сейчас ходит в Львовскую церковь, за десять километров, молится православию.

На стене — икона с плаката.

— А чертовщина? Она же в таких местах не спит.

— Не спит. Сколько случаев бывает! И по лесу кругами водит, и в самой церкви истерика ребёночка вдруг зашьёт — разве не бесовщина?

— И как ты в этой пустоши... Причём и то некому показать.

— А я сама стригусь. Очень просто: зеркало назад — и всё видно.

Здорово; прямо родственная душа. Сам уж тридцать лет к парикмахерам не хожу: нудны их под-

Дрова для хозяйки.

мады, духи и щёлканье ножниц под ленивый разговор.

Приехал брат Николай, хлопочет с бензопилой, разговору не мешает. Машина простая, но коль она есть, тот считается захитуха; никакие жалобы на бедства жизни от такого не принимаются.

Никто, однако, и не жалуется.

— Клюквы хотите?

Наш фотокор хлещет морс, будто за тем и приехал; но украдкой вострит объектив.

— Съёмки не нужно, а то рассержусь. Или в суд подам.

Диковинка, и только. Видно ведь, что общение ей приятно. Почему же такая таинственность?

Симпатичная донельзя. Глаза не только с зеленцой, а и с рыжикой, с золотом — с грибным весельем. Улыбка вообще не сходит с губ —

будто мы в клубе на посиделках.

— Любовь была?

— Была. Одна. А у вас?

— У меня — пятьдесят.

— Потому вы и счастливый.

Ёмкий разговор, ничего

не ска-

ж е ш ь .

Т о л ь к о

еще неиз-

вестно, кто

счастливее.

Главное:

мы тут

же в неё

в л ю б и -

лись; и не-

отрази-

мый Анд-

рюха-фо-

токор, и

р о с л ы й

водитель,

и я — раз-

валина.

Комби-

не з о н

оранже-

вый, кра-

сивый, она

его наде-

ла, чтоб

дрова с

братом пи-

лечь. Лад-

ный, словно для танцев.

— Откуда комбинезончик?

— Украла...

Уела своими шутками.

Так было жаль прощаться... Она звала в гости — но виделось, что гонит из дому.

Вокруг стояли леса, леса — пиршество опушек, полей, дорог. Представилось, как ей долгим зимним вечером. Да ничего, есть кот Пушок и любимые исторические повести. А мужа многим бабонькам уж давным-давно телевизор заменяет. Никогда не напьётся; если надо, умолкнет.

Живёт колдовская лесная девушка ягодами и грибами. И такими редкими визитами, как наш. Просила звонить.

Обязательно купим у неё клюквы.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Фото Андрея САСИНА.
Хотынецкий район.

УГОЛОК
ПОЭЗИИ

Андрей ФРОЛОВ

РАССВЕТНОЕ

Над туманом сад плывёт:
Вишни, облепиха...
Новый день больших забот
Народился тихо.

Он откуда ничего
Никому не должен.
Не омыл ещё его
Беспризорный дождик.

Не нагруженный виной,
Еле-еле зримый,
День растёт очередной
И неповторимый.

БЛАГОДАТЬ

В России, в самой-самой серединке,
Откуда до кремля рукой подать,
Живёт-бытует просто, по старинке,
Село с чудным названием: Благодать.

Отбиты косы загодя, к восходу —
Лугов укосных здесь не сосчитать,
Пошли, Господь, хорошую погоду...
А впрочем, и погода — благодать!

Вовсю горланит утро петухами,
Густой лазурью брызжут небеса.
А косари порядком отмахали,
Покуда не истаяла роса.

В охотку труд, любое дело — к стати,
А здешний люд не надо убеждать,
Что нет на свете большей благодати,
Чем жить в селе с названием Благодать!

СВАТОВСТВО

Галине

Насупленный штакетник,
Два пристальных окна...
В руках моих букетик,
В коленях — слабость.
Внезапный скрип калитки,
Как властный окрик — эй!..
Я медленней улитки
Ползу к судьбе своей.
До онемения страшно
В отчаянье гадать:
Что если твой папаша
Не хочет тестем стать?
Что если мой букетик —
Совсем не аргумент,
И мать твою ответит
Категоричным "нет"?..
Я делаюсь отважным
И злым, как во хмелю, —
К чертям! Одно лишь важно:
Что Я
ТЕБЯ
ЛЮБЛЮ!

БАРМАЛЕЙ

Меньше пронзительных книжек,
Реже встречаю наивных людей,
Жальче о доле своей причитаю...
С виду — так просто усталый злодей.
Тот, что уже напугать не сумеет —
Разве лишь тем, что неделю небрит.
Так, порывит, пофырчит и... робеет
При мало-мальском сближеньи орбит.
Я замыкаюсь и пью, и болею,
Злое чего-то в тетрадку пишу...
И не сочувствуйте мне, бармалею,
Хриstopродавцу, брюзге, алкашу.

ПЛОТНИК

В клубах стружечного запаха
Он заходит в "общепит".
Карандаш заложен за ухо
И навечно там забыт.

Обращается к раздатчице:
— Накорми рабочий класс...
А у кассы вдруг артачится,
Услыхав:
— Сто сорок с вас.

Всё же платит.
Ест и морищется:
"Вот чем кормят, сволота..."
Вилка
в крепких пальцах смотрит
Почуднее долота.